

Стрекоза на запястье

Юлия Гофри

По поводу документов я не волновался, все они были подлинными. Глаза и пальчики мне делал сам Герд, а у него, несмотря на возраст, накладок не бывает. Нос у меня был такой же, как у покойника. Повезло.

Чем меньше операций, тем дольше карьера импостора. Собственно, именно из-за носа и еще скул Клофель меня и выбрал. Нос долго заживает, а со скулами и вовсе никто бы связываться не стал. Даже умница Герд.

Каким чудом к Клофелю вообще попали документы лицензированного переводчика — ума не приложу. И какой удачный вариант! Господин Имлис живет один, в средствах не нуждается, работает редко и работу выбирает сам — как и большинство переводчиков в его возрасте, смею полагать. Последние полгода, со времени смерти жены, ведет затворнический образ жизни, избегает даже старых друзей. Единственной дочери — двадцать семь, живет за границей, замужем, детей нет, много путешествует.

Идеально.

Профессия — это не просто набор знаний и умений, не просто способность поддержать разговор на нужную тему. Это всегда особый, отдельный мирок, со своей микрокультурой, своими внутренними, непонятными другим шутками... своим языком, наконец! У меня к таким вещам талант: я моментально подхватываю незаметные большинству тонкости отношений, жесты, словечки. Это умение — основное для импостора. Но тут был совершенно особый случай.

Переводчик! Учебников не добыть — пара профильных книг из домашней библиотеки Георга Имлиса уже окупит эту операцию. Общаются переводчики между собой в закрытых для посторонних клубах — опять же, не пробраться. Даже прислугу туда не допускают, сами справляются. Студенты живут в закрытых общежитиях, контакты с внешним миром ограничены ближайшими родственниками. В общем, доведись мне общаться с его друзьями-переводчиками, меня бы мгновенно разоблачили.

Опасно. Но второго такого шанса у меня не будет, я знал совершенно точно.

Первым делом я обошел весь дом, сверху донизу — на всякий случай. Затем поднялся на второй этаж и принялся более детально знакомиться со спальней и кабинетом.

Кто ты, Герд Имлис?

Хотя сейчас правильнее было бы спросить: кто я, Георг Имлис, лицензированный переводчик?

Книги. Множество бумажных книг отличного качества, на самых разных языках. К моему разочарованию, ничего, что было бы похоже на учебник, я не нашел. Записная книжка. А вот и еще одна, бумажная. Надо же, он, оказывается, умел писать от руки! Зачем переводчику это почти забытое умение? Впрочем, это очень удачно: когда-то, еще в юности, я тоже этим увлекался и сейчас еще наверняка смогу написать несколько слов прописью. Что еще? Фотографии.

ФАНТАСТИКА

На стене — большой портрет молодой пары, мужчина обнимает женщину за плечи, та чуть откинула голову на его плечо. Оба улыбаются. У мужчины — мое новое лицо. На запястье — крупная собака. У женщины тоже татуировка, но она полужакрыта рукавом. Что-то пушистое, черно-белое. Почему-то мне было сложно отвести взгляд от этой фотографии, навалилась неожиданная тоска. Пришлось себе напомнить, что это лицо лишь временно принадлежит мне, в то время как на самом деле...

Тут я на секунду замер, пытаюсь вспомнить мое настоящее лицо, с которым был рожден, — и понял, что не получается. Пржнее мое лицо принадлежало политическому деятелю небольшого провинциального городка, я представлял его сейчас довольно четко, до него был судьей в таком же небольшом городке, а еще раньше — кажется, вице-президент банка... Усилим воли я прервал поток воспоминаний. В моей профессии, да еще в разгаре проекта, воспоминания о прошлом — роскошь, которую нельзя себе позволять. Напротив, для успеха нужно уметь забывать лишнее, довести это умение до совершенства. Избавляться от лишнего, освобождая место для нового.

Я прошел в кабинет. Если у входной двери ждала проверка по всем параметрам — глаза, пальцы, голос, — то на компьютере не оказалось даже простенького пароля. Пара часов кропотливой работы, и я понял, что скоро смогу приступить к следующему этапу нашего с Клофелем плана. Того этапа, ради которого все и затевалось.

Говорили, что первые студенческие татуировки изображали рыб. Наверняка этого, впрочем, никто не знал. У выпускников, начинавших появляться на публике, татуировки изображали всевозможных животных, от слонов до мартышек. Если в этом и была система, то ясная лишь посвященным. Каждые два-три года картинка на левом запястье менялась, и было замечено, что со временем животные сменялись птицами, а затем — всевозможными летающими насекомыми. Все были уверены, что это означает не то опыт, не то квалификацию. Наблюдения делались открыто, люди с азартом обсуждали их друг с другом, при этом сами переводчики посмеивались и не комментировали догадки ни единым словом.

Левое запястье Георга Имлиса украшала крупная, с переливающимися крыльями стрекоза.

Герд, разумеется, мог скопировать любое изображение. Однако он, как и мы с Клофелем, прекрасно понимал — дело тут не только в картинке. Татуировка делала обычного человека переводчиком. Как? Собственно, ради ответа на этот вопрос все и затевалось. Уж Клофель-то сумел бы распорядиться этой информацией так, что даже причитающихся мне процентов хватило бы на долгую безбедную жизнь. В идеале — обзавелся бы своими собственными переводчиками, что раньше никому не удавалось. Интерпретаторы, редко когда знающие более двух языков, сплошь и рядом оказываются несостоятельны там, где речь идет об оттенках, деталях. Да и найти, подобрать именно такого,

что знает нужные языки, порой невозможно — приходится приглашать нескольких, искажения множатся, сделки срываются. То ли дело переводчик!

Впрочем, если это окажется невозможным, Клофель согласен удовольствоваться малым. Лицензированный переводчик наверняка может заказать книги по специальности... книги, недоступные публике.

Копия заказа, сделанного через Сеть чуть больше года назад, обнаружилась довольно легко. Не возникло проблем и с подбором пароля к почте: Георг Имлис, не страдающий паранойей, хранил все у себя в записной книжке. В бумажной, правда, так что не все, пожалуй, разобрали бы его почерк, но мне это не составило труда. Иногда юношеские хобби находят себе самые неожиданные применения в более позднем возрасте.

Заполняя заказ, я должен был выбирать опции из числа предлагаемых, что в тысячу раз проще, чем придумывать ответы самому. Тем более что у меня была копия предыдущего заказа. Я запнулся на единственном вопросе — «Причина для нового заказа». Имлис, отвечая, выбрал «новая ступень». Это означало, что наши теории были верны, — однако воспользоваться этим ответом, повторно заказывая такую татуировку, я не могу. Я не знал, какая картинка следует после стрекозы, и, подумав, выбрал опцию «замена предыдущей в связи с износом». Заказ был принят, и моя стрекоза должна была прибыть не позднее завтрашнего дня.

Вечер я потратил на то, чтобы тщательно осмотреть все закоулки дома — почему-то я был уверен, что где-то здесь должны быть нужные мне книги. В подвале обнаружилась целая стена больших картонных коробок — видимо, готовились к переезду. Увы, хозяин не имел привычки их подписывать, и я понял, что мне предстоит долгий, кропотливый труд — по одной стаскивать коробки на пол и исследовать содержимое.

Мою стрекозу принесли на следующий день около полудня. Специальный курьер заставил меня приложиться пальцем к сканеру, после чего вручил неожиданно толстый конверт. Как я и надеялся, он содержал подробные инструкции по наложению новой татуировки. Еще там были инструкции по удалению остатков прежней, несколько рекламных проспектов и две таблетки снотворного, которые надлежало принять сразу после процедуры. Разумеется, я долго изучал всю информацию. Инструкции по удалению татуировки мне, конечно, были не нужны, но из них я почерпнул массу информации о татуировках вообще. Чем больше я узнавал, тем больше у меня возникало вопросов. Это казалось все более и более сложным и, возможно, опасным. Однако у меня почему-то не возникало той тревоги, которая могла бы заставить бежать сломя голову.

В любом случае отступать было поздно. Если я сбегу от опасности воображаемой, меня будет ждать другая, вполне реальная — в лице Клофеля. Да и репутация... если я и откуплюсь от него, вряд ли мне удастся снова найти работу.

Я посмотрел на часы. Было около семи вечера — вполне подходящее время. Стрекоза напоминала временные, смываемые татуировки, которые так любят дети, но на ощупь оказалась словно бы рельефной, имеющей объем. С внутренней, скрытой бумагой, стороны фактура была похожа на тонкую проволочную сетку. Я закатал рукав и потянул краешек бумаги.

Проснулся я, как и было обещано, через четырнадцать часов и первым делом взглянул на руку. Кожа вокруг стрекозы слегка покраснела, сама же татуировка полностью утратила свою первоначальную выпуклость, став не более

чем картинкой. Вросла? Впиталась? Почему-то мысли об этом не вызвали у меня ни малейшего беспокойства. Я спокойно спустился в кухню, позавтракал, сидя у окна и наслаждаясь прекрасным видом на реку, и только затем вернулся в спальню и снял с полки несколько книг, наугад, обращая внимание лишь на язык.

Открыл первую же, на французском, и принялся бессмысленно перелистывать страницы. Никакой особой разницы я не замечал, пока взгляд не зацепился за слово, показавшееся знакомым. За ним шло еще несколько. Я успел прочитать почти целую страницу, прежде чем до меня дошло происходящее. Незнакомые буквы незнамого языка сами собой складывались в слова, слова — в осмысленные предложения.

Потрясенный, я захлопнул книгу и открыл следующую. Это был, кажется, итальянский, и снова все повторилось: бессмысленное проглядывание страниц в течение первых нескольких минут, после чего — свободное чтение. Я заметил, что время от времени попадают не слишком понятные слова, но не так часто, чтобы это мешало чтению.

Третья книга была написана совершенно другим алфавитом. Возможно, на иврите? На этот раз переход от разглядывания к чтению занял больше времени. А книга, написанная иероглифами, потребовала около получаса. Значит ли это, что мой мозг теперь способен намного быстрее обрабатывать лингвистическую информацию? Или здесь принципиально иной подход? Мне почему-то казалось, что ощущения при чтении чем-то отличались от обычных, но в чем именно состояло отличие, определить я не мог.

Как бы то ни было, успех, хотя бы частичный, достигнут. Теперь нужно проверить, как обстоит дело с восприятием речи на слух. Усевшись к компьютеру, я подсоединился к Сети и стал искать каналы новостей. Разумеется, первым делом наткнулся на канал погоды, вещавший на моем родном языке... впрочем, это было к лучшему.

Женщина на экране говорила, и перед моим мысленным взглядом мелькали образы, порой ничего общего не имевшие с тем, что появлялось за ее спиной.

— Следует ожидать умеренных осадков во второй половине дня, — сообщила женщина, и на огромной карте возникло объемное изображение тучки, из которой капали редкие, мелкие капли.

В то же время я отчетливо увидел перед собой прозрачную зеленоватую бутылку, на дне которой плавала какая-то мусть. Это видение так ошеломило меня, что на какое-то время я перестал воспринимать речь телеведущей и уставился на бутылку, которая, впрочем, вскоре медленно растаяла в воздухе.

— ...Солнечно, температура от восемнадцати до двадцати двух градусов по Цельсию...

На карте — маленькое, играющее лучами солнце. Перед моим внутренним взором — ярко-зеленая весенняя листва, сменявшаяся висевшим за окном градусником. Точно такой же градусник висел за окном бабушкиной квартиры — она вообще любила антиквариат. Красная полосочка на градуснике добралась до цифры «восемнадцать», которая была заметно крупнее всех остальных.

Я потряс головой и поспешно выключил колонки компьютера. Мне нужно было прийти в себя. Женщина на экране по-прежнему шевелила губами, но теперь я не слышал ни слова. Подумав, поискал другой канал. Здесь, судя по мелькавшим графикам, говорили о финансах. Я включил звук:

— Неожиданный подъем акций фирмы «Левиафан»...

На экране — обычный в таких случаях график. Перед глазами — похожий график, но других цветов, а также огромное

чудовище, мирно качающееся на морской глади. Повинуясь наитию, я закрыл глаза:

— Эксперты ожидают, что этот уровень сохранится в течение...

Ровное горное плато, безоблачное синее небо над ним, скудная растительность.

— Вкладывание денег в акции этих аргентинских корпораций на сегодняшний день сопряжено с большим, чем обычно, риском...

Пара, танцующая танго. Узкая горная дорога, серпантин над пропастью, без ограждения. Машина мчится на огромной скорости.

Танго? Аргентина? Машина на узкой горной дороге — опасность?

Черт возьми!

Я снова выключил звук — мне было необходимо собраться с мыслями.

Так вот что делала татуировка! Теперь понятно, почему почти все переводчики жили так уединенно и общались лишь с узким кругом близких людей. Если при каждом разговоре твое зрение двоится, недолго и с ума сойти.

Решив, что небольшой перерыв мне не помешает, я спустился в подвал и занялся разбором коробок. В третьей, что я открыл, обнаружилось несколько старых накопителей памяти. Один из них был обозначен как «фотоархив», другой — «универ», на прочих не было никаких надписей. Оставив коробки на полу, я поспешил к компьютеру и первым делом попытался открыть «универ». Здесь меня ждал сюрприз — архив был защищен паролем! Ясно, что надо поискать этот пароль, но пока от нечего делать я решил заглянуть в «фотоархив» и прочие коробки. Это очень поможет, если придется общаться со старыми друзьями или членами семьи.

Я долго рассматривал фотографии, одну за другой. Здесь был сам Георг Имлис, его жена, друзья молодости (на фотографии — десяток молодых людей и девушек, все с татуировками), дочь — от самых первых дней жизни и до выпускного вечера, более поздние, видно, сюда не попали. Девушка была на редкость похожа на мать, фотография которой в серебряной рамке стояла на рабочем столе Имлиса, так что я сколько угодно мог переводить взгляд с одной на другую. Почему-то при этом у меня перехватило горло и на глаза навернулись слезы. Становлюсь сентиментален к старости? Пора менять сферу деятельности?

К вечеру я решил еще раз включить телевизор, на этот раз — что-нибудь художественное. Здесь галлюцинации сразу стали еще сложнее, в некоторых из них я легко распознавал образы, ассоциирующиеся у меня с тем или другим словом, но прочие были совершенно непонятны. Не пытаюсь вникнуть, а просто экспериментирую, я все-таки рискнул найти клип на французском. Первые пару минут не было ни видений, ни понимания языка. Затем появилось и то и другое. Как и прежде, одни образы были понятны, другие чужды. Я выключил видео и занялся поиском пароля.

Включать телевизор стало как-то страшновато. На следующий день, однако, образы казались немного понятнее. Однако теперь они разделились на две группы, которые я ощущал по-разному. Как будто одни были «моими», а другие, непонятные, — навязаны извне. Среди вторых намного больше было необъяснимых. Быть может, подумал я, это ассоциации говоривших?

Так или иначе, изменения явно продолжались. Была надежда, что со временем мозг сам по себе перестроится на новый способ восприятия информации. Вот тогда и поглядим.

ФАНТАСТИКА

Следующие пару недель я не выходил на улицу, заказывая продукты прямо на дом. Экспериментировал с теле- и радиопередачами, много читал и занимался поисками пароля, однако ни в компьютере, ни в одной из записных книжек его не оказалось.

В конце второй недели пришло письмо от Анны, дочери Имлиса. Она писала, что поездка в Бразилию прошла великолепно, и интересовалась, как дела у меня. Я ответил, что у меня все в порядке, стараясь имитировать стиль прежних писем, и продолжил поиски.

Наконец в одной из коробок обнаружилась стопка старых бумажных записных книжек. Похоже, привычка вести записи от руки появилась у Имлиса еще в молодости. Несколько дней кропотливой работы — и в моих руках был пароль от архива.

За это время пришло еще два письма от дочери. Я старался отвечать коротко, но при этом не настолько коротко, чтобы возбудить подозрения.

И все-таки где-то я совершил ошибку.

Звонок в дверь застал меня за изучением архива. «Универ» действительно хранил несколько электронных учебников, а также, что не менее важно, некоторые студенческие работы самого Георга Имлиса и его жены. Я как раз заканчивал читать одну из них, когда в дверь позвонили.

Из окна я увидел, что у дверей стоят трое мужчин и женщина. Лицо женщины я узнал без труда — ее мать уже месяц глядела на меня с фотографий. Один из мужчин — ее муж: я видел свадебные снимки. Еще двое были мне незнакомы, но у обоих слегка оттопыривались пиджаки. Охранники или полицейские.

Стараясь держаться естественно (интересно, как держался мой прототип со своей дочерью?), я спустился вниз и открыл дверь.

— Анна! — воскликнул я, поднимая брови и раскрывая руки для объятий. — И ты, Макс!

Девушка не двинулась с места.

— Кто вы такой? — спросила она почти враждебно. Над ее головой возник образ: я, вернее, мой прототип с разбитой головой в луже крови, руки и ноги неловко разбросаны... Я невольно поежился.

Муж положил руку ей на плечо. На запястье красовался спящий лев.

— Георг, — негромко и дружелюбно произнес муж, — по вашим последним письмам Анне показалось, что вы — не ее отец, а узурпатор, и она попросила меня... Я надеюсь, вы простите нас.

— Разумеется, — ответил я, вздыхая, и посмотрел на «дочь», стараясь выразить взглядом любовь и снисхождение. — Анна, что это? Ты так разволновалась из-за каких-то писем?

— Это не он, — внезапно сказал Макс, поворачиваясь к полицейским.

В следующую секунду на моих руках оказались наручники,

а меня самого довольно бесцеремонно потащили в машину, на ходу предъявляя полицейские значки.

— Какого... — начал было я, но меня уже затолкнули на заднее сиденье.

— Макс Клемель — официальный удостоверитель личности Георга Имлиса, — пояснил адвокат, которого мне предоставили в участке несколько часов спустя. — Его требования достаточно, чтобы судья затребовал анализ ДНК.

Кровь у меня взяли за полчаса до того, несмотря на все протесты.

— Официальный удостоверитель личности? Что за ерунда?

— Этой мерой пользуются почти все переводчики, а также некоторые высокопоставленные лица. Быть удостоверителем может только переводчик. Не могу объяснить вам почему, но считается, что переводчика почти невозможно обмануть в подобных случаях. Как мне вас называть?

— Что за дурацкий вопрос! — Я пожал плечами. — Георгом Имлисом, разумеется.

— Как угодно. — Судя по мелькнувшим у него над головой образам, я с тем же успехом мог бы назваться Сидом Кампеадором, Александром Пушкиным или зубной феей.

В камере, ожидая результатов, я пытался догадаться, что же заставило Анну встревожиться. Впрочем, вскоре я оставил это бесполезное занятие: изначально это могла быть любая мелочь, а заподозрив, девушка могла уже специально подстроить мне ловушку. Кажется, моя карьера действительно закончена — Герд, конечно, мастер из мастеров, но даже ему не подделать ДНК.

Следующим утром я проснулся в довольно философском настроении. Что будет, то и будет. Мои умения и в тюрьме не должны дать пропасть, денег у меня хватит пусть не на богатую, как планировалось, но достойную старость. Да и информация, которую я успел прочесть, в любом случае останется со мной и рано или поздно найдет своего покупателя. Уникальная информация. Вот, например, работа Георга Имлиса, студента четвертого курса, последнее, что я успел прочитать. «С каждым разом временные промежутки становятся все короче, а риск — все меньше». Похоже, переводчик, ухвативший татуировку слишком высокой для себя ступени, рискует на время или навсегда расстроить свою психику. Спятить, проще говоря. Что же, и у них есть свои внутренние болезни. Полезная информация.

Однако стойте!

Я-то ведь ни на какой ступени не стоял вообще, никакого обучения не проходил. Означает ли это, что я скоро сойду с ума?

На этой веселой мысли меня прервали. Дверь открылась, и на пороге обнаружился мой адвокат, а также давешние полицейские и мой предполагаемый зять. Лица у всех были донельзя растерянные.

— Господин Имлис, — начал полицейский, удивив меня крайне, — должен принести вам свои глубочайшие извинения. Анализ ДНК подтвердил вашу личность. Вы свободны.

Я не сразу нашелся что ответить и на всякий случай посмотрел на своего адвоката. Видно было, что он растерян не меньше прочих, однако профессиональная привычка сделала свое.

— Господин Имлис, вы вправе, разумеется, подать жалобу... однако должен заметить, что полиция в данном случае действовала законно.

— У меня нет желания жаловаться, — холодно произнес я. — Я хотел бы поскорее попасть домой, если не возражаете.

Во время разговора Макс смотрел на меня — растерянно, озадаченно, словно не верил собственным глазам. Мне сейчас было не до него. Я понятия не имел, что же за чудо вызволило меня из камеры, но не собирался разбрасываться подарками судьбы. Потом попробую разобраться... если не сойду с ума в ближайшие пару дней.

Дома я первым делом бросился дочитывать архив, но его на месте не оказалось. Похоже, во время моего отсутствия тут побывали — либо полиция, либо милая доченька. Последнее более вероятно. Вряд ли она поверила в результаты экспертизы — куда уж, если я сам им не верю.

Я торопливо скопировал на собственные флешки все, что могло иметь какую-либо ценность, затем быстро прошелся по дому, раздумывая, нет ли здесь еще чего-то стоящего. Напоследок снова заглянул в спальню и вдруг натолкнулся на взгляд с очередной фотографии — взгляд той самой женщины, но уже немолодой, с морщинами на лбу и в уголках глаз. Мой прототип обнимал ее за плечи.

Опять заныло сердце. Да что же это такое, каждый раз, когда вижу ее фотографию! Я развернулся и сбегал вниз по лестнице, распахнул дверь, но развернулся, бросился назад, влетел в спальню, торопливо выдернул из рамки фотографию и сунул в карман. Разбираться в собственных чувствах было некогда. Потом, все потом.

Выйдя из дому, первым делом направился в ближайшее кафе, где сказал несколько особых слов милой девушке, подающей кофе. Вместе со счетом она принесла мне крохотный мобильный телефон, который я незаметно положил в карман. Разумеется, официантка была из людей Клофеля, и, разумеется, я оставил ей щедрые чаевые. Устроившись на скамейке в парке, набрал номер, введенный в память под условленным именем. Автоответчик сообщил мне, что этот номер отключен. Я попробовал снова, и еще раз, уже понимая, что это не поможет. Клофель, узнав о моем аресте, сразу принял меры предосторожности. Я не мог его винить — сам сделал бы то же самое.

Со временем я сумею его найти и передать информацию, а то он и сам найдет меня, но сейчас придется рассчитывать только на себя. Нормально. Теперь на вокзал; деньги есть, возьму билеты, скажем, в Севилью для начала. Оттуда...

И тут я похолодел. Поскольку не имел ни малейшего представления о том, где может находиться конечная цель моего путешествия. Где я живу, черт возьми? Уж это-то любой человек должен помнить, будь он хоть сто раз импостор.

Все было как во сне, когда пытаешься припомнить что-то не предусмотренное ходом сновидения, только во сне при этом осознаешь нереальность происходящего и просыпаешься, я же продолжал оторопело сидеть на скамейке.

Вот оно. Видимо, начинается с банальной амнезии. Хотя... это я посчитал, что мои видения совершенно нормальны, но кто его знает, как должно быть на самом деле? Надо же, я бы и не заметил ничего, если бы не потребовалось так срочно бежать.

Я сидел на скамейке долго, пока не зажглись фонари. Город сразу преобразился, засверкал сказочными огнями, почему-то вызвав у меня мысли о детстве. Как и у всех людей, у меня должно было быть детство. Где оно прошло? Улица, на которой я сидел, вдруг представилась мне другой, очень длинной, почти бесконечной. Где-то на ней были кафе-мороженое и два магазина игрушек, а все остальное сливалось в единый и довольно скучный фон. Вон за тем домом должен был начинаться спуск к набережной. А там, где сейчас стеклянная витрина ювелирного, раньше стоял совсем другой дом, кирпичный, старый, — дом, где жил мой друг. Я приходил туда в гости, его бабушка пекла нам

овсяное печенье. Вкуснейшее, с тех пор я больше такого не пробовал. Друг все время чем-то увлекался, то марками, то камнями, то звездами. Еще в дверях хватал меня за руку и спешно тащил к себе в комнату, крича: «Георг, я тебе сейчас такое покажу!»

Что за чушь! Это не мое детство, это детство Имлиса. Мальчика звали Франсис. Франсис Миллер, ныне ученый-биохимик, живет в Барселоне. Один из ближайших друзей Имлиса по сей день. Его фотография лежала среди прочих документов, раздобытых для меня Клофелем. И никаких детских воспоминаний, никакой бабушки с овсяным печеньем там не было совершенно точно, да и быть не могло.

Поднявшись, я медленно побрел обратно к дому. Какая разница, арестуют ли меня снова? Возможно, через неделю я уже буду пускающим слюни идиотом.

Обнаружив в гостиной Анну, Макса и еще одного, незнакомого прежде, человека, я почти не удивился.

— Хотите сделать повторный анализ? — поинтересовался я.

Анна поднялась мне навстречу, и на этот раз в ее глазах не было ни прежней ненависти, ни настороженности. Только беспокойство и печаль.

— Папа, — негромко сказала она, — прости меня, пап. Мне и в голову не пришло...

Я рассмеялся.

— Знаете, я сберегу вам время, — сказал я. — Да и себе. Анна, мне очень жаль, но вы были правы с самого начала. Я действительно занял место вашего отца, которого, к сожалению, больше нет в живых. Клянусь вам, я не причастен к его гибели, это был просто несчастный случай. Я понятия не имею, почему анализ ДНК дал такой странный результат... но все равно. Я уже чувствую изменения, с моей памятью творится что-то странное. У меня осталось слишком мало времени, чтобы притворяться кем-то другим, так что попробую оставшиеся мне дни побыть самим собой.

— Самим собой? — переспросил, поднимаясь, незнакомый мне человек. — Если не трудно, скажите, кто же это — вы сами?

Я открыл было рот и понял, что не могу ответить на этот вопрос.

— Не помните? Не стоит обвинять в этом татуировку. Если угодно, я верну вам студенческие учебники, почитайте: синдром переводчика, как его называют, проявляется совсем по-другому. Ни амнезии, ни склероза среди симптомов нет.

— Неподготовленный человек, получивший «стрекозу», — вмешался Макс, — оказался бы в сумасшедшем доме к концу первой же недели.

— Что вы хотите сказать? Что на самом деле я сошел с ума давно и окончательно?

— Вы не похожи на сумасшедшего, — улыбнулся незнакомец. — Однако очень напоминаете человека, прошедшего процедуру наложения личности.

— Да нет же! Мне сделали пластические операции на лице и ушах, проверьте, это же легко. И иридопластику. И...

— Мы уже проверили во время медосмотра в тюрьме. Единственный след хирургического вмешательства обнаружен на вашей левой руке. Похоже, что предыдущую татуировку вам удалили.

Я поднял руку к лицу и растерянно уставился на стрекозу.

— Вы сейчас не можете вспомнить свое прежнее имя, — продолжил незнакомец, — поскольку его никогда не существовало. Вас всегда звали Георг Имлис. Люди, делавшие вам коррекцию, создали славную «легенду», но дать человеку новое имя — сложнее всего. Это требует времени, которого у них не было. Было проще сделать так, чтобы вам никогда не хотелось о нем вспоминать. Так же,

ФАНТАСТИКА

подозреваю, они обошлись и с другими вещами, слишком сложными, чтобы включать их в новую «легенду».

— Но зачем? — растерянно произнес я.

Тот снова улыбнулся:

— Что вы должны были сделать по договору с теми людьми, которые вас сюда якобы отправили?

— Попробовать стать переводчиком. Найти учебники, информацию.

О, господи! А ведь Клофелю все равно, кто передает ему информацию — поддельный Георг Имлис или же настоящий, считающий себя поддельным.

— Папа, — вновь заговорила Анна, тихо и умоляюще, — доктор говорит, что тебе можно помочь, если ты сам захочешь. Если пойдешь с ним. Нужна госпитализация. Папа, пожалуйста!

— Почему же вы сказали, что я — не он?

Макс сразу понял, что этот вопрос относится к нему.

— Ведь вам уже ясно, что переводчик видит по-другому, правда? Когда вы говорите, я вижу, если хочу, все ассоциации, возникающие у вас во время разговора. У каждого человека они свои, это невозможно контролировать. Глядя на вас, я вижу совсем не те образы, что возникали у моего тестя. Другие рисунки, другая палитра цветов. Я не знаю, что с вами должно было произойти, чтобы вы настолько изменились.

— Я должен был стать другим человеком, — медленно произнес я. — Но как? Почему? Меня похитили?

— Наложение личности возможно только при сотрудничестве субъекта. Конечно, вас могли обмануть. Пообещать что-то?

— Забвение!

Доктор повернулся к Анне. Она продолжила, обращаясь к нему, но глядя на меня:

— Папа никак не мог смириться с маминной смертью. Врач прописал ему антидепрессанты, но папа через какое-то время перестал их пить. Говорил, что с ними живет, как во сне, а боль все равно не проходит.

Над ее головой мелькнул образ: я, совсем еще молодой, моя жена, и маленькая девочка держит нас обоих за руки. И другой: моя рука со стрекозой и горсть земли, летящая в яму. Я не помнил ни того, ни другого.

— Да, — прошептал я, — боль не проходит. Слишком глубоко. Доктор... — Я сглотнул, беря себя в руки, и закончил: — Верните мне ее, доктор. Верните мне — нас.

Я закрыл глаза. Пальцы в кармане сжали фотографию.